

Два письма в редакцию

О перминах, их рожденьях и переселеньях

Вадим Викторович Рыбин,
генеральный директор ООО «Русболт»

Наши предки совершили чудеса героизма, отстаивая русское слово.

Мало кто знает, что Михаил Ломоносов был даже приговорен к смертной казни и ожидал своей участи в тюрьме за то, что рьяно отстаивал русскую речь в Академии наук.

Ломоносов боролся за термины, используемые только в узком кругу ученых. Кислород, водород, кислота – тогда только очень умный человек мог предвидеть, что эти слова войдут в общее употребление, что все дети будут учить их в школе.

Многим нашим современникам кажется, что перенятие иноязычных терминов, употребляемых в ограниченном кругу пользователей этих слов – людей одной профессии, одной отрасли, а то и вообще узких специалистов или служащих одной компании, – не грозит всему русскому языку, на котором говорят миллионы людей.

Но Ломоносов уже двести пятьдесят лет назад понимал, что это не так. И не просто понимал, но рисковал жизнью и карьерой ради защиты русского слова в науке – русского термина.

Действительно, весьма значительная часть иноязычных слов размывают русский язык, прокравшись в него изначально в качестве терминов. Для простоты общения с иностранными учеными наши ученые и специалисты не выдумывают свой термин, а перенимают иноязычный.

Но задумайтесь, сколько слов, общеупотребимых сегодня, вначале были лишь терминами, используемыми только узкой группой лиц! Взять хотя бы автомобильную тему, включая и само слово «автомобиль». Карбюратор, стартер, жиклер, трамблер, фильтр, лонжерон, капот, бампер, радиатор, дифференциал, суппорт... Сегодня этими словами пользуются все, слова перестали быть терминами.

И посмотрите, как изменилось за сто лет восприятие русским языком иноязычных терминов. Если в автомобильной области все же есть много терминов на русских корнесловах – крыло, днище, коленвал, сухарь, клапан, маховик, сцепление, зажигание, – то в области вычислительной техники почти все термины сплошь англоязычные.

Мы полностью утратили терминообразование и получили мощный поток иноязычных слов, размывающих русский язык, а вместе с ним – русское самосознание.

Автору довелось побывать членом комиссии по терминологии в далекие советские годы. Вот как это было.

Первый, узнавший о новом предмете или явлении, докладывал об этом в свою ведомственную комиссию по

“ Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

А. А. Ахматова, «Мужество» ”

терминологии. Прилагалось описание предмета и его название на языке страны происхождения.

Получив такое сообщение, комиссия по терминологии собиралась и решала, каких учреждений – институтов, предприятий, органов управления – этот термин может касаться. И рассылала сообщение им всем – зачастую предварительно собрав более полные сведения о предмете, чем были присланы автором первичного сообщения. Затем следовала переписка. Уточнения, дополнения, как предмет называли в других языках. В комиссию стекались предложения о названии предмета в русском языке. В итоге, обычно через несколько месяцев, комиссия собиралась, рассматривала все полученные предложения и решала, как назвать предмет. Решение рассылалось всем учреждениям ведомства и публиковалось.

Далее, комиссия получала сообщения о нарушителях использования термина и высылала им предписания использовать именно тот термин, что был принят комиссией. Иногда приходилось прибегать к административным мерам воздействия.

Конечно, советская система терминообразования обладала рядом недостатков, главным из которых представляется отсутствие стремления к использованию в терминах русских корнесловов. Однако тогда и размывание русского языка происходило в десятки раз медленнее, чем теперь, и угрозы русскому языку не представляло. Работала система медленно. Но тогда и средством связи была почта, и скорость внедрения новшеств была в разы ниже, чем теперь.

Зато все специалисты СССР могли быть уверены, что их понимают правильно и точно. А это понимание совершенно необходимо в любом большом деле, которое делают много людей. Уместно вспомнить Вавилонскую башню.

Что же происходит русскими с терминами сейчас?

Отвечу на этот вопрос вопросом: вы знаете, что такое болт?

А вот в среде специалистов по крепежу ясности с этим термином нет. Спор идет уже лет десять-двадцать, но нет органа, способного обязать все самостоятельные коммерческие организации – а сегодня таковыми являются даже заводы-гиганты, вроде Магнитогорского, – применять единый термин. В итоге одни и те же изделия часть людей называют винтом, а другая часть – болтом. Двухметровую шпильку, продающуюся буквально в каждом строительном хозяйственном магазине страны, называют кто – шпилькой, кто – штангой, кто – резьбовым прутом.

Если для столь простых вещей нет единых слов, то что уж говорить о более сложных понятиях!

Мы пришли к выводу, что одним из недостатков отсутствия организованного государственного словообразования является взаимонедопонимание специалистов.

Следует отметить, что значительный вклад в это расхождение терминов и понятий вносят как иностранные и международные компании, работающие в России, так и пункт 4 статьи 15 Конституции России – главенство международного права над российским. Многие русские специалисты жаловались на насаждение иностранцами своих терминов. В итоге получается, что люди моложе 40 лет пользуются заимствованными терминами, а специалисты советской школы – старыми советскими терминами, и с годами разночтения только увеличиваются.

Одним из примеров такого разночтения стал спор на заседании Русского географического общества вокруг термина «экология». Молодые ученые использовали его в смысле степени загрязненности окружающей среды («в Белом море плохая экология»), старшие же товарищи называли это природоохраной и природопользованием, а экологией – науку о взаимодействии организмов. В итоге пришли к выводу, что замену термина «природоохрана» на «экология» принесли нам иностранцы, пользуясь статьей 15 нашей Конституции.

Неразбериха в русской терминологии и размывание русского языка иноязычными словами начались в 1990-е годы. Что происходило в это время в других областях нашего бытия? Кому это выгодно? И может ли страна развиваться в отсутствие общепонятных терминов и общепринятых стандартов? Ответ на эти вопросы приводит нас к выводам.

Россия становится на путь самостоятельного, независимого развития, поэтому ей вновь стала нужна единая государственная система терминообразования.

Отрывающее нас от наших культурных и духовных корней размывание русского языка иноязычными словами требует, чтобы русские термины создавались на основе славянских корнесловов, либо путем изменения заимствованных слов на русский лад.

Решение обеих этих задач в условиях рыночной экономики не требует изобретения чего-то нового. Уместно заимствовать современный опыт Франции, где есть и отлаженная государственная система терминообразования из 17 отраслевых комиссий, и опыт ее построения путем проб и ошибок, и результаты обширных исследований в этой области, и способы словообразования.

Попутно упомяну, что французы выделяют три способа словообразования.

Создание совершенно нового слова, никак не привязанного к иноязычным соответствиям. Примеры: паровоз, пулемет, спутник (космический).

Перевод иноязычного слова. Пример: мышь (компьютерная).

Изменение заимствованного слова на свой лад. Примеры: тырдын (трейд-ин), спирт, ярмарка, дрожжи.

С уважением,

В. В. Рыбин,
генеральный директор ООО «Русболт»,
Санкт-Петербург, июль 2016 года

О «Сшивке» торговцев крепежом вместо ассоциации

«Сшивка» – именно так призвали называть «ассоциацию» члены Торгово-промышленной палаты Санкт-Петербурга. Слово «ассоциация», по их заверению, «теперь не модно». Сшивка торговцев крепежом нужна, но пока не создана.

Зачем мы работаем – чтобы заработать денег или чтобы сделать мир лучше? Не всем удается совместить одно с другим, но многие пытаются. Одной из таких попыток стало стремление некоторых купцов продавать только качественный, стандартный крепеж – хотя спрос на некачественные подделки, увы, многократно превосходит.

Система госзакупок способствовала созданию на рынке крепежа в России спроса на дешевые подделки. Чтобы заработать на жизнь и развиваться, купцы вынуждены, под воздействием рынка, идти на ряд нарушений. Самые распространенные из них – несоответствие класса прочности крепежа маркировке и документам и заострение угла профиля резьбы (не 60°, а 45° и даже 30°). Государственные органы не принимают никаких действенных мер для повышения качества используемого крепежа до стандартного, несмотря на очевидную угрозу поломок и обрушений, исходящую от нарушений стандартов. Контроля нет. Главное требование к крепежу в современной России – низкая цена.

Особо отличается в использовании крепежа низкого качества строительная отрасль. Купцы оказались пе-

ред трудным выбором: или продавать подделки, или упустить прибыль. Желая отстоять свою долю рынка, не торгуя при этом подделками, несколько торговых фирм на протяжении нескольких лет пытаются найти способы воздействия на рынок крепежа с целью повышения спроса на качественный товар.

Главным связующим звеном выступил редактор журнала «Крепеж, клеи, инструмент и...» Осташев А. М., а ведущими действующими лицами стали фирмы «Русболт» (Рыбин В. В.) и ЦКИ (Тарасовы Н. В. и В. Н.). В 2016 году участвует «Стройметиз», сочувствие выражает «Болт.Ру». К сожалению, былая слаженность русского купечества за годы советской власти оказалась утраченной. Складывающейся сшивке (ассоциации) торговцев крепежом не хватает человека, способного возглавить «союз качества». Дальше заявлений о намерениях дело пока не зашло. Однако дело будет продолжено. После думских выборов, способных повлиять на политику государства в области контроля качества, состоится съезд ассоциации «Промметиз» (сшивка производителей крепежа), на котором ожидается принятие действенных решений. В том числе по активизации Роспотребнадзора в части, касающейся крепежа.

Санкт-Петербург, июль 2016 года